

НИНА ЩЕРБАК

Легкое пламя

ТРИЛЛЕР ДЛЯ ДВОИХ

Нина Щербак

Легкое пламя. Триллер для двоих

«Accent Graphics communications»

2017

Щербак Н. Ф.

Легкое пламя. Триллер для двоих / Н. Ф. Щербак — «Accent Graphics communications», 2017

ISBN 978-1-386-92970-3

«Легкое пламя» (триллер для двоих) – повесть написана в жанре «монтажного романа», лиричное, интеллектуальное повествование. История девушки Маши, которая с детства знает двух молодых людей, Кирилла и Славку. В Славку она влюблена с того самого момента, когда они познакомились на взморье, в Юрмале, а с Кириллом, молодым человеком из «хорошей» семьи, ее сводит судьба, каждодневная суeta и жизненные перипетии. Реальный мир и мир придуманный, виртуальный, их взаимодействие. Воспоминания о 90-х годах в Северной столице, рассказ о поездках в Соединенные Штаты Америки, Тунис, Лондон, Амстердам. Порой героине непонятно, когда она общается с Кириллом, а когда перед ее глазами возникает образ Славки. В своих интервью автор пишет, что «так сделал в одном из своих романов японский писатель Х. Мураками»: читателю предстоит узнать, была ли у главной героини эта самая важная встреча в конце книги, или нет. Эффект неожиданных флешбэков и детективный сюжет, красивое воплощение игры и власти сознания.

ISBN 978-1-386-92970-3

© Щербак Н. Ф., 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

Лягушки	5
Марихуана или Ноль эффекта	7
Миражи в пустыне	10
Последнее лето детства	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нина Щербак

Легкое пламя. Триллер для двоих

Лягушки

Когда Маша отправились тогда с мамой в Латвию, ей было семь лет. Рано утром Машина мама погрузила вещи в их синюю машину, положила туда заботливо сложенную сумку: большой зеркальный термос, бутерброды с белым хлебом, печенье «Мария» (тонкие пластинки с едва заметными надписями-рунами, которые скрипели на зубах, издавая звук подобный печатным шагам по январскому снегу), сладкие помидоры, зеленые огурчики с пупырышками, специально приготовленную Машиным папой сладкую творожную массу с изюмом (положили в расписанную нелепыми цветами алюминиевую миску). Потом они долго мчались по зеркальному шоссе. В какой-то момент Маше стало так хорошо, что она положила голову на мамины колени и заснула, а когда просыпалась, то слышала, как гудит мотор и поскрипывает сиденье, совсем не в такт хриплому радио, которое ее мама время от времени переключала своей тонкой рукой в алой лайковой перчатке.

Это только сейчас Маша понимает, что детство – это не самая лучшая пора в жизни. В детстве все кажется нестойким, странным, невесомым. Ожиданий много, а фантазия бурлит внутри таким неумеренным ключом, что, порой, даже ручки в машине, за которые можно уцепиться, кажутся то щупальцами, то лучшим другом из вчера прочитанной на ночь сказки. Маша и ее мама приехали в Юрмалу под вечер. Высадилась на побережье. С моря дул ветер и было странно неуютно. Их гостиница была расположена всего в нескольких шагах, и Маша почти ничего не помнила, кроме того, что мама все время пересчитывала сумки и спрашивала, не укачало ли дочь. В комнате пахло чем-то незнакомым, как будто многолетняя сырая обшивка передней была вдруг быстро опрыскана дорогими и едкими духами. Запах был настолько сильным, что, казалось, сшибал с ног. Маша коснулась головой белоснежной подушки и моментально уснула.

На следующее утро они долго гуляли по побережью. Ветер дул в лицо и было непривычно холодно. Маша наклонилась к самой воде, опустила руки в песок. Пошел дождь. Со Славкой Маша познакомились в тот же день. Он был юркий, худощавый и очень загорелый, распахнутые на мир глаза и веснушки по всему лицу. Славка жил в Юрмале семь лет, с самого рождения, был настоящим мальчишкой, таким юрким, прозорливым, смелым и благородным. Он же познакомил Машу со своим приятелем из Москвы Кириллом, совершенно противоположным по характеру: заносчивым, занудным, толстопузым мальчуганом, который вечно жаловался на свою бабушку и всячески пытался завоевать Машино расположение тем, что приносил в кармане огромные пакеты с печеньем, которые Маша, почему-то, должна была тут же съесть. Славка Маше нравился, конечно, значительно больше. Он это хорошо понимал, и совершенно этим не пользовался. Если Кирилл пытался рассказывать бабке, как они с Машей весь день гуляли и держались за руки, то Славка нарочито брезгливо отворачивался при любых вопросах, и только снова искал плоские камешки по берегу, чтобы в мгновение ока поднять их и запустить по воде. Море, едва коснувшись теплым краем поверхности камешка, вновь его отпускало, терпеливо выжидая, когда он, наконец, тихо не пойдет ко дну, в конце назначенной траектории.

Со Славкой Маша часто гуляла наедине вдоль берега. Он рассказывал ей о своей маленькой лачуге-хижине неподалеку. Смотрел прямо на Машу, а она скользила взглядом по его загорелым рукам и плечам, и ей думалось, что если бы она была мальчиком, то хотела бы стать именно таким: худощавым, загорелым, добрым. Кирилл появлялся всегда некстати. Он что-то

рассказывал про Москву, и снова звал Машу и Славку в старое кафе на том же взморье, где заказывал разноцветные глянцевого пироженные, которые, впрочем, тут же съедал, шевеля толстыми покрасневшими щеками и причмокивая.

В последний день Машиного пребывания в Юрмале было дождливо. Без грозы, но дождь шел непрерывный и невидимый, повергая отдыхающих в состояние какого-то безнадежного ожидания. Славку позвала бабушка, и он нехотя оставил компанию, обещая «прибежать» через пару часов «уже до самого вечера». «Давай собирать лягушек в банку», – предложил Кирилл. Лягушек у моря было много, все это время Маша с Кириллом, поочередно, вынимали их из мутного кривого ручья неподалеку, держали за лапки, рассматривали, пока удивленные животные не выпрыгивали из рук обратно в воду. На этот раз Маша снова обрадовалась баночной идее. Казалось, это был не каждодневный, привычный опыт, а что-то важное, спасительное. Дождь усиливался, лягушки издавали странные звуки, дружно подтверждая на своем странном языке, что в банке им станет значительно теплее и комфортнее. Кирилл набрал почти полную, а потом налил туда морской воды, а чтобы лягушки не выпрыгивали – плотно закрыл содержимое крышкой. Славка появился через полчаса, обеспокоенный, и серьезный. «Тебя мама зовет! Ехать надо!» Маша хотела поцеловать его в щеку, но вдруг подумала, что идее с лягушками он обрадуется намного больше, удивиться, может быть, заинтересуется. Когда она протянула ему банку, то увидела, что за стеклом наблюдалось странное спокойствие. Славка в ужасе отпрянул от Маши, как будто его ужалила змея, а потом выхватил банку из Машиных рук и вывалил содержимое на песок. Мертвые лягушки падали одна за другой, их смятые тушки были похожи на несущих амеб, или чудовищ, которые теперь застыли в неловких позах, покрытые мокрым песком.

– Что вы наделали? – сдавленным голосом прошипел Славка.

– Что? – в глазах у Маши стояли слезы, она на мгновение замерла, силясь сообразить, что произошло, почему все так, и по какой причине эти мирно прыгающие животные еще час назад жили, а теперь, в один момент окочурились в этой самой злосчастной банке. – Они же в воде живут! – пыталась Маша сдержать душившие ее слезы.

– В пресной воде, а не в соленой, – наконец, спокойно ответил Славка, сел на корточки и обхватил колени руками.

Машина мама собралась быстро, все сокрушалась по дороге, что ее подруга забыла взять адрес Славки, хоть и обещала. А Маша совершенно не помнила, как они ехали домой. Дождь все усиливался, а комок в горле мешал, как будто бы вся накопившаяся за это время на море детская, неумная тоска вдруг разом обрушилась и душила.

Марихуана или Ноль эффекта

Маша снова увиделась с Кириллом, когда заканчивала Политехнический институт. Было это в летнюю сессию 1995 года. Его волосы теперь были затянуты назад в тугой хвостик, который он, по всей видимости, заботливо причесывал по утрам. Кирилл был сосредоточен, резок, сумрачен и худощав. Полгода назад от него ушла жена. Ушла к его французскому другу, видному бизнесмену в дорогом пиджаке, коллеге по фирме, почти за месяц до рождения их с Кириллом ребенка. Дед Кирилла был профессором известного гуманитарного университета, у бабушки, грозы и хранительницы дома, были личный шофер, Кирилл и слова воспитания в адрес внука «Никогда не ухаживай и не звони девушкам, сами объявятся». Мать любила Кирилла до безумия, баловала и часто возила на машине на их академическую дачу в Дюны. Отец был с Кириллом необыкновенно строг, в какой-то момент отправил сына в армию, и пытался, как мог, воспитывать своего отпрыска как настоящего мужчину. Это означало, что Кирилл должен был сам принимать решения и никогда не жаловаться. Мать, однако, делала все наперекор отцовской воле, и Кирилл рос, с одной стороны, ощущая себя уже с пеленок мужественным бойцом, а, с другой, сохраняя природой заложенную тонкораннимую, женственную натуру. Потом, много лет спустя, он как-то обмолвился, что девушки его вовсе не жаловали. Молодость выпала на 90-е годы, поэтому было сложно угодить даже самой скромной. Перестройка свернула головы, денег требовала каждая, и залихватски подбоченившиеся сокурсницы все время намекали, что финансов у него все равно никогда не будет. Кирилл любил картины, машины, и свою жену. С ней он учился на одном курсе в ЛИТМО, с ней вместе ходил в походы, с ней же ночами слушал Линду, и в нее же без памяти влюбился, полагая, что именно в этой, черноокой на тонких каблуках стерве, заключена вся женственность, материнская прить, статность и, главное, сексуальность его детской мечты.

Развод Кирилла ударил по всей профессорской семье. Жена, которую впустили в пятикомнатную профессорскую квартиру, не только вольготно там обосновалась, но, ровно через полгода после свадьбы, потребовала себе половину. Каким образом, она подготовила все необходимые документы и подала в суд, для всех осталось загадкой, но факт был фактом, аристократическим бабушке и дедушке, как и Кириллу, и его матери, предстоял обмен или выселение, а бешеной цены полотна известных художников уже фактически были заранее расписаны по аукционам. Боролись с женой все вместе. Появление наследницы еще больше усложнило дело, так как жена с ребенком собиралась не только присвоить себе имущество, но решила лишить семью долгожданного отпрыска и уехать во Францию к своему наскоро испеченному, но совершенно реальному новому мужу. Отчаяние, уязвленное самолюбие не были теми чувствами, которые могли воодушевить семью к борьбе. Пожалуй, главной движущей силой стало желание обыкновенной человеческой справедливости, которая как будто бы навсегда покинула дом вместе с недавно подобранной и пригретой невесткой.

В то же самое время вдохновенно идущая по жизни Маша искала поклонников по интернету и, в конце концов, остановилась на подслеповатом французе, который писал ей отчаянные письма из Шарлевиля о том, что он обязательно должен встретиться с ней у себя дома, во Франции, и что приглашает ее туда с огромным удовольствием. Жерар казался романтиком не от мира сего, который столько увидел в своей жизни, что единственное, на что он нашел в себе силы уповать еще, была непритязательная жена из России. Почему его выбор пал на столь неподходящую кандидатуру, Маша понять не могла. Возможно, он слепо верил, что все хорошее осуществляется за пределами Франции, и, скорее всего, – в России, и что «это хорошее», именно то, что с ним должно случиться в ближайшее время.

На вскользь брошенную информацию о Жераре Кирилл не обратил внимания, рассказывал Маше о последних махинациях любимой супруги. Отцовство так и не было установ-

лено, и было Кириллу от этого не только грустно ужасно, но невыносимо грустно, что, постепенно, передавалось и Маше, осознающей, наконец, что в жизни бывает все, и, судя по всему, довольно часто. В тот момент ей нужно было что-то делать, ехать, знакомиться, каким-то образом распутать тот странный клубок событий, который навалился на нее совершенно некстати: скоротечный брак Кирилла, бойня за его квартиру и достоинство, собственные нестертые воспоминания детства.

Шарлевиль славен тем, что там родился Артур Рембо, оттуда поэт три дня шел до Парижа, где его и встретил другой, уже весьма пожилой поэт, Верлен, с которым у молодого гения сложился известный в истории скандальный роман. Эта информация почему-то засела у Маши в голове, оживляя в душе некоторые сомнения в отношении скучности поездки, а заодно и воодушевление от предстоящего приключения и незабываемых встреч. Жерар встретил Машу в аэропорту, лучезарный и веселый, он бодро сообщил ей, что дом уже давно ждет новую хозяйку, а предыдущие жены сбежали, одна за другой, по причине того, что им совершенно не нравился Шарлевиль. Действительно, город оказался милым, но очень скучным для проживания селом с дивным прудом и парой магазинов. Дом Жерара выходил окнами на старое кладбище. Сам он работал в пыльной библиотеке, где хранились только фотографии Рембо. (Еще, правда, список английских слов, которые они вместе с Верленом составили, когда плыли через Ламанш на пароме и море книг о жизни писателя, включая записи о том, как Рембо впервые ушел в Париж пешком, по совершенно понятным теперь для Маши причинам).

Кирилл тем временем отдыхал во французской столице, бил физиономию бывшей жене, и, похоже, был ужасно расстроен даже не тем, что назад было ничего не вернуть, но тем, что жить дальше как-то совсем не получалось и не хотелось. После Парижа он собирался ехать в Амстердам, и именно туда решила направиться и Маша, намереваясь избавиться, наконец, от ощущения скуки, которое не покидало ее с самого приезда в Шарлевиль. Жерар был охотлив до путешествий. Маша с легкостью убедила его, что нужно обязательно ехать на конференцию в Амстердам, куда он и согласился ее доставить без промедления. Дорога была длинной, и когда они, наконец, пересекли границу и доехали до столицы, то сразу распрощались до утра. Несмотря на уговоры Жерара, Маша наотрез отказалась осматривать город вместе с ним, сказав, что доклад требует тщательной подготовки. Как условились, Кирилл ожидал ее на вокзале, а потом они долго бродили по городу в поисках дешевой гостиницы.

Кирилл казался подавленным и неразговорчивым. Ни одного слова в адрес жены, ни хорошего, ни плохого, он не произнес, что было для Маши очевидным доказательством душевного краха обоих. Гостиницу они нашли под вечер, побросав вещи, отправились в район Красных Фонарей, где и собирались отдыхать все оставшееся время. Отдыхать для Маши значило пить красное вино, но Кирилл только брезгливо морщился, говоря, что не уедет из Голландии пока не попробует «травки». Это страшное слово он произнес по особому, смачно, как будто четким подчерком подписывал своим намерением смертный приговор уже не только себе и своей семье, но всему враждебному и подлому астральному миру.

Искали «травку» они так долго, что осмотрели почти все местные достопримечательности. В основном, девушек и женщин сотни возрастов, размеров бюстов и цвета кожи, которые были выставлены в витринах этого странного музея под открытым небом. Кирилл приценивался с интересом, изредка смущался, пятился, якобы переходя к следующей витрине. Девушки, страшные, обыкновенные и пронзительно красивые, улыбались и смотрели туристам прямо в глаза. Туристы не удивлялись улыбкам девушек в ящиках, а тоже смотрели им в глаза, как будто силились понять что-то очень важное.

Потом они зашли в кафе. Кирилл долго приценился, деловито мотая головой влево-вправо, как будто делал ею, этой самой головой, фуэте на сцене фантасмагорического сказочного театра. Пошел к выходу, шел уже к следующему кафе, на другой стороне улицы, где, наконец, грузно опустил рюкзак на пол и уверенно указал пальцем, на «вон – то»! «То» ему и

выдали в виде небольшой сигареты, которую он понес двумя пальцами в сторону маленького столика и аккуратно положил в пепельницу. Снял куртку, разложил перед собой красную салфетку, приложил сигарету к губам, щелкнул зажигалкой, затянулся.

– Что-нибудь чувствуешь? – Маша заерзала.

– Ноль эффекта, – спустя несколько секунд заключил Кирилл и снова затянулся.

Сигарету он выкурил быстро, а выкурив, презрительно поморщился. Через несколько минут он вышел на улицу, также быстро, как и вошел вовнутрь кафе, постоял две минуты на месте и вдруг отчаянно захохотал. Грузно опустился на землю. Маша даже не посмотрела в его сторону, а бодро пошла вперед. Спустя минуту – обернулась. Кирилл продолжал сидеть на земле и отчаянно хохотать, закрыв глаза и барабанив пальцами по тротуару.

– Кирилл! – Маша рванулась к нему.

Кирилл громко причмокнул, выпустив изо рта что-то похожее на пену, а потом поднял на Машу искаженное болью и смехом лицо:

– Помоги. Слышишь! Помоги!

Что было дальше, Маша плохо помнила, но что-то все-таки было. Она пыталась поднять Кирилла с земли и два метра роста обрюзгшего тела этому не поддавались. Он долго не приходил в себя, а Маша била его по щекам со страшной силой, как посоветовал проходящий мимо знаток искусства курения. Где-то под коркой проносились мысли о том, что курить в Голландии можно только в кафе, а если застали за этим занятием вне заведения, закон меняется в какую-то страшную сторону, которая светит чем-то совсем еще более красивым. Когда Маша, наконец, дотащила Кирилла до гостиничной комнаты, он с грохотом рухнул на кровать, кинул Маше набитый деньгами кошелек и попросил позаботиться о его маме. Как и советовал Кирилл, Маша просидела три часа на кровати, разговаривая с его мамой, Настасьей Владимировной, вслух, о непростой жизни их семьи, вновь и вновь давая Кириллу крепкие пощечины. Потом он пришел в себя, членораздельно сказал «спасибо тебе» и, как ребенок, уснул, откинув голову набок. Спустя какое-то время Маша встала с кровати и вышла в ночной город, двинулась в сторону гостиницы, где остановился Жерар.

– Как вы? – Маша делала вид, что осматривала его высокую элегантную фигуру, которая слегка покачивалась на фоне туманного амстердамского утра. Жерар равнодушно кивал, а в его глазах даже не было вопроса «что дальше». «Что дальше» Маша подсказала ему сама, попросив обязательно ее проводить, потому как «коллега по конференции заболел и очень нуждается в помощи».

Кирилла они встретили в фойе гостиницы. Жерар пожал ему руку. Кирилл ответил. Маша не должна бросить его ни при каких обстоятельствах: он все время теряет сознание, а с Жерара «песок сыпется». Жерар не знал русского языка, но, похоже, обладал опытом межкультурного общения, так как бодро подхватил рюкзак Кирилла и через пятнадцать минут всадил Кирилла вместе с его рюкзаком в поезд.

С Жераром Маша ехала до самого Парижа на машине. По пути он часто съезжал с автострасы, быстро парковал машину, снова ее заводил, и снова, сворачивая уже на другую дорогу, глушил автомобиль в самом неподходящем месте. Заводил. Ехал. Тормозил. Когда спустились сумерки, и Жерар ехал уже по проселочной тропке, он, наконец, спросил Машу про доклады.

– Все сделала, – ответила она.

– А я гулял в районе Красных Фонарей...

...На следующее утро он сам собрал Машины вещи и за полчаса домчал до аэропорта. Вскоре написал, что собирается провести остаток жизни со старушкой из Пскова и ее детьми. Эта старушка совершенно равнодушна к марихуане. Спустя десять лет, улетая во Францию, Маша заметила в Пулково бывшую жену Кирилла. Жена оказалась милой, уверенной в себе и очень душевной женщиной.

Миражи в пустыне

Кирилл ухаживал за Машей не так красиво, как ей хотелось бы на тот момент, как-то вяло, и в то же самое время – целеустремленно, как будто именно в ней и только в ней хотел найти – поддержку и будущее, не испытывая при этом особых чувств. Дарил цветы, звонил по ночам, а, приглашая домой, рассказывал, как нужно правильно варить суп и делать котлеты. Маша не знала, откуда было это вечное ощущение, что он ее старший брат. Свое присутствие в жизни Кирилла она приняла как данность, совершенно не отдавая себе отчет, почему именно она, но твердо зная, что иначе не получится, так как, в противном случае, он, Кирилл, лишится всего и сразу. О существовании других девушек Маша догадывалась, но не особо обращала на этот факт внимание. Он был молод, высок, статен, красив, и была в нем то, что называется «непрозрачная душа». Как будто бы в едва проступающих морщинах и седине в волосах были все те переживания, о которых Маша не должна была знать, но которые все же существовали. Это и придавало ему определенную привлекательность, вызывало жалость, которая неминуемо следовала в наборе чувств, которыми Маша была награждена с рождения. Нужны ли были Кириллу новые впечатления в усиленных дозах, Маше было неясно. Раньше – да, теперь, – вряд ли. Иногда он вдруг звонил ей на работу и говорил, что у него «снова депрессия». Тогда Маше становилось жутко и одновременно жалко его как ребенка. Потом они сняли квартиру, потом – разъехались, потом стали снова жить вместе. Какое-то время Маша обитала в его фамильном «склепе», как она про себя называла пять комнат квартиры, доставшейся ему как семейная реликвия и главное богатство трех поколений родственников. Груз, оставленный первой женой, был столь тяжелым, что, казалось, было невозможно его как-то облегчить. Иногда она ужасно злилась на Кирилла. До бешенства какого-то. Почти животного. Осознавала, что с ней человек, которого она не очень, как ей казалось, любит, да еще и человек, который имеет свою внутреннюю, ярко выраженную жизнь. Маша отлично понимала, что иначе и быть не может, но принять полностью его постоянной раздвоенности пока не могла, а собственные чувства вдруг тупели и хоронили сами себя где-то глубоко внутри. Возраст, однако, диктовал другие правила, нашептывая Маше, что любовь и отношения – это те люди, которые каждый день рядом, мужчина, который «здесь и сейчас», что любой влюбленности приходит конец, а главное в жизни – терпение. Кирилл, казалось бы, совсем не замечал Машиных сомнений, его жизнь была где-то там, в далеком детстве, и именно об этом Маша ему косвенно напоминала, этим же притягивая. Он обожал ездить на Кавказ, куда его маленьким мальчиком возили родители, подолгу смотрел старые фильмы, перекаченные с «бабин» (там он еще бегал голым по пляжу, покупал старинные кольца на воскресных базарах, делал костюмы на заказ). Машу он не покупал и почти не очаровывал, но нуждался в ней физически, как будто она, сама того не подозревая, стала единственным послушным свидетелем его внутренней жизни.

Квартира Кирилла была огромной и темной. В гостиной, прямо посередине, стоял круглый резной стол, на котором круглый год в хрустальной вазе лежали фрукты. Картины известных художников, развешанные по стенам, были особой семейной гордостью, но пугали Машу темными красками и тенями, которые массивные полотна, свисающие со стен под углом, отбрасывали в хаотичном порядке на паркетный пол, когда вечером, по семейной традиции, зажигали свечи в массивных бронзовых подсвечниках в виде обнаженных амуров. В маленькой комнате повсюду были развешены черно-белые потертые временем фотографии. На пороге Маша всегда на момент замирала, чтобы не споткнуться и не провалиться случайно в другое пространство. Казалось, что под зеленым сукном старой кровати остались следы пота всех умерших родственников, что подтверждал и скрип пружин, как будто поломанных или плохо смазанных, которые, если сесть, даже выступали в некоторых местах этого злосчастного старинного ложе, выдавая присутствие предыдущих поколений. «Здесь ничего нельзя менять и

трогать», – уточнял Кирилл, видя Машин испуганный взгляд, а потом громко смеялся как чертик из книжки, угадывая ее мысли. Слева, в той же маленькой комнатке был старый камин, закрытый, от него тянулась вверх к потолку печь, уложенная сине-белым камнем, что делала комнату немного более уютной, придавая ей восточный колорит. Туалет и кухня были темные, без окон. Плита издавала странные шорохи при включении, и Маше всегда казалось, что в далекие времена это было местом прислуги.

– Ты знаешь, вот, моя жена очень хорошо красила, стерва, – Маша понимающе улыбалась и с готовностью шла в другую комнату: набраться терпения и взять стул. Упоминание жены означало, что Кирилл начинал рассказывать о детстве, как будто «стерва» не дослушала когда-то того самого важного, что, может быть, и давало ему возможность существовать.

– Так теперь хотят женщины быть сильными, – Кирилл затягивался сигаретой, – Мужчине это, кстати, совершенно не нужно. Я всегда любил, когда мы ездили с бабушкой в Сочи. Садилась в поезд, выходили на каждой станции – покупали кукурузу. Приезжали, пахло шпалами, мы долго ходили по дворам и бабушка приценивались. Однажды, забрели в дом с огромным садом. Представляешь себе, все вокруг – в винограде. Растет вокруг беседки. Гроздьями свисает прямо над столом, что на улице. Пахнет персиками, идет мелкий дождик. Камни, валуны, море рядом. Там еще мужик один был, все время котят топил. Мы в тот дом так и не вселились.

В такие минуты Маша внутренне вся содрогалась, представляя эту властную аристократичную женщину, которая правила огромной семьей и воспитывала внука. Маша при этом не хотела быть похожей на маленькую девочку, которая шла вместе с Кириллом вслед за грозной бабушкой, выбирая подходящую комнату на юге, а пыталась придумать, каким образом, каким же образом, быть на эту бабушку злосчастную похожей. Как вести себя, говорить, чтобы, в конце концов, выбрать самую удивительную и правильную мансарду с резными ставнями, видом на море и вишневым садом. Долгие беседы с мамой Кирилла, Анастасией Владимировной, для Маши были весьма трудоемки. Разговоры о литературе, чопорная приветливость ужинов. Маша пыталась рассказывать о последних книгах, которые прочитала, но выходило всегда плохо и скучно, да и названия она вспомнить толком не могла, как не было у нее сил продолжать еще не начавшийся разговор.

– Вы где обычно отдыхаете? – спрашивала Анастасия Владимировна.

– В Сочи, – Маша снова и снова пыталась сделать серьезное выражение лица, и спрятать ниоткуда взявшееся ощущение горечи, которое неминуемо возникало, каждый раз, когда они общались. Причина была Маше непонятна, она во всем винила себя, но чувствовать себя естественно почему-то не могла, как будто боялась, что сделает что-то не так, как будто страх присутствовал вне зависимости от ее воли, просто был и все.

А потом отец Кирилла внезапно заболел и умер. А через полгода также скоростижно умерла его мать. Кирилла это потрясло до такой степени, что он буквально слег заживо в постель, ничего не мог делать, ни о чем не мог говорить. Маше было невыносимо жутко, как будто горе одновременно ударило во все части ее тела и души, разом подкосило внутренние надежды. Поделать было совершенно ничего невозможно. Маше было до такой степени жалко Кирилла, уже до какого-то безумия. И теперь все, что происходило между ними, как будто, и не имело никакого значения, не могло иметь. Маша привязалась к нему, ощущая боль его утраты, всем существом проникшись к бездарному и жестокому повороту судьбы, который вдавил внутренности, смешал прошлое, отнял детские надежды и глухо констатировал – «все». Это «все» было и горем утраты, и тошной стабильностью без выхода, всем тем, чего Маша и Кирилл так страшно боялись, и, видимо, так справедливо заслуживали.

* * *

Маша ехала с Кириллом в Тунис. Страна казалась ей столь же далекой, как острова в Тихом Океане или фильмы об американских гангстерах. Повсюду были пальмы, рестораны, голубые бассейны и верблюды. Море здесь было сказочное, теплое, гладью окутывающее все существо. Можно было вновь и вновь смотреть вдаль, различая нечеткие линии розовато-алого горизонта, часами смотреть на километры песков, в которых воздух конденсировался, готовый рисовать странных человечков. Они упирались коленями худощавого, колыхающегося на ветру тела в землю, поднимая непослушные головы к самому небу. Солнце было настолько ярким, жгучим, что приходилось одевать огромную белую шляпу и закрывать плечи, чтобы не сгорели. Питьева вода была блаженством: купив банку лимонада, Маша чувствовала каждую каплю, пузырившуюся в гортани.

Чуть поодаль от гостиницы начинались вереницы разноцветных арабских базаров, странные надписи на обветшалых стенах, песочные склоны, и бесконечная восточная музыка, которая заунывно доносилась из каждого дома. Невероятное достижение восточных стран – контраст сосуществования. Между пыльными дорогами, пустыней в финиковых деревьях и – роскошью гостиницы. Растворяясь в первобытном, средневековом городе, жара душила, изнуряла, медленно сжигала все внутри, а потом Маша делала всего один шаг, и кондиционер высушивал, выветривал все то, что накопело внутри.

Вечером Маша спускалась с Кириллом вниз по песчаному склону, и они долго шли по берегу. Вода неслышно касалась ступней, постепенно темнела, растворяя очертания мечетей и приглушая блеск разноцветных огней на том берегу. В эти минуты Маше казалось, что все прошлое вдруг возвращается и рисует перед глазами неловкие очертания потустороннего мира, такого же явного и приглушенного как мираж. Пустыня. Автобус едет, и кроме маленьких зеленовато-серых кустарников за окном ничего не видно, только изредка почерневшие руины отбрасывают темные тени на выжженный асфальт дороги, и снова – пустыня. Многие километры – вперед – грязный песок, низкие горы, и пальмовые кустарники, финиковые деревья. А потом, когда становится нестерпимо тошно от однообразия пейзажа за окном, глаз, волею неволей начинает снова присматриваться к песку, ищет изменений. Зеленовато-черный песок в колючках насыпан до самого горизонта, но через какие-то два часа привыкаешь, и в тот самый момент, когда, казалось, ничего не может случиться, вдруг замечаешь, то песок совершенно другой – ярко-желтый, рассыпчатый. Это смена ландшафта произвела на Машу такое неизгладимое впечатление, что ей вдруг на мгновение поверилось, что может быть что-то еще. Она ухватила мысленно за этот песок, словно сидела там, воочию, на желтом холмике под палящим солнцем, и перебирала песчаные крошки, гладила их, ожидая, когда золотистая струя, наконец, не выскочит из ладоней. Звездные войны снимали где-то здесь. Огромные песчаные глыбы неровных желтых гор, а вокруг – странные анимации, стальные пружины, невозможные чудовища. Чуть поодаль – древние пещеры под землей, где жили первобытные народы. Дряхлая беззубая старушка просуществовала под землей сто лет, управлялась по хозяйству вот такими странными сосудами и приспособлениями, умерла всего месяц назад. Вылезти из землянки – сложно. Туристы как упрямые кроты спустились собственными усилиями вниз, и, узнав, что такое «зарыть себя заживо, спасаясь от изнуряющей жары», теперь снова взбираются наверх.

– Наконец, – Кирилл приободрился.

Маша уставилась на него, как будто видела впервые. Смотрела долго-долго. Было нестерпимо душно, обгоревшие плечи болели. Она чувствовала благодарность и нежность к нему, как будто солнце вдруг смиловалось, померкло, оставив в покое тело, стерев из памяти все то, что, казалось, было невозможно изменить или забыть. Что именно? Славку?

Последнее лето детства

Думка-дамка-дымка, фактом, файлом, фантомом. В 1983-м году они втроем пошли в одну и ту же школу. Кирилл переехал от московской бабки к другой, ленинградской, и поселился недалеко от Невского проспекта, а Славкиного отца, полковника, перевели в Ленинград по назначению. Ухаживали за Машей оба. Маша в какой-то момент даже не могла их друг от друга отличить, мальчишки всегда появлялись вместе, подтянутые, гладко подстриженные, в синих формах, почти как морячки из Нахимовского училища. Обоих Маша знает на протяжении двадцати пяти лет. Славку она как встретила только два года назад, а с Кириллом – общалась все это время и вот только что... Кирилл – сын лучшей подруги Веры Ивановны, Машиной мамы, как он сам недавно декларировал – потомок старинного рода и писатель. Славка... нет! Славка – совсем нет.

Какая была Машка тогда? Худая, русая, почти белесая, вечно в ситцевых платьях в горошек. Была в ней некоторая раздражающая для сверстников наивность, даже глупость, детская непосредственность, доверчивость, и, унаследованная от матери – восприимчивость. Смеялась она редко, вечно хмурилась, но переживала все, что с ней случалось, нелегко и терпеливо.

Тогда, в детстве, на даче в Мельничном Ручье, под Ленинградом, Маша, Кирилл и Славка отдыхали все вместе. Допоздна ходили под чужими заборами, рвали малину, накалывая руки и спотыкаясь о коряги, потом тайком убегали на озеро, когда родители уезжали в город, а они оставались на попечение бабушек. Как-то задержались за разведением костра до трех часов ночи. Машина девяностолетняя бабушка, которая к тому времени очень плохо видела, почти наощупь обошла огромный участок, весь в яблоневых деревьях и крапиве, в настойчивой попытке Машу найти, а потом долго ругала и плакала. На Машины вопросы «а можно я все-таки завтра пойду в кино», все повторяла, «Иди, если есть совесть!»

– Так это значит, что идти можно! Ведь если бы у тебя не было совести, ты бы не пошла! – комментировал Кирилл.

На той же даче в Мельничном ручье летом собирались все. Машины родители, родители Кирилла. Славка жил у двоюродной тетки, «третьей водой на киселе». Отец его был всегда занят, а мать работала в Африке, и Славка теперь видел ее только два раза в год, когда она приезжала из заграничной командировки с кучей подарков, железной дорогой и засушенным крокодилом. Главным и долгожданным гостем, была Виктория, тетка Кирилла, грузная женщина-армянка, которая шла с железнодорожной станции пешком, приходила с пятью котомками, рано утром, и ставила на стол огромную корзинку с едой, а в вазу – букет цветов. Когда она приезжала и, задыхаясь, рассказывала, как долго добиралась, как не было электричек целый день, и как уже на вокзале, она, наконец, купила вот этого самого цыпленка и букет хризантем, все на даче знали, что лето началось.

По вечерам они репетировали спектакль. Премьера должна была состояться на соседней даче у Оксанки. Оксанка тоже жила с бабушкой и дедушкой, Целей Ефимовной и Георгием Иосифовичем. Оксанка одевалась уже совсем как взрослая, ругала советскую власть и разрабатывала сценарий выступления, четко фиксируя его в блокноте. Заключительным номером было выступление Аллы Пугачевой, которую исполняла грузная и высокая девушка по имени Наташа, а Маше доставалась роль Раймонда Паулса. Нужно было сидеть на скамейке и делать вид, что она бренчит по клавишам, спокойно и равнодушно. Виктория неизменно присутствовала на каждой репетиции и давала ценные указания: «Главное – поээзия!» Смятый Корней Чуковский валялся чуть поодаль, и Оксанка, аккуратно заправив хвостик кудрявых каштановых волос назад, декламировала Мойдодыра. «Какая обворожительная девушка, – говорила Виктория, почему-то отдавая предпочтение именно Оксанке. «А я ...такая же?» – спрашивала Маша, запинаясь. «И ты – умная», – говорила Виктория, бросая чарующую улыбку.

Маша обижалась. Ей казалось, что Оксанка и, правда, – верх совершенства, в отличие от нее. Оксанка была старше Маши на два года, и в ее глазах играли четкие огоньки чего-то женского, взрослого. Ее полные ноги были затянуты в фирменные вельветовые брюки с пряжками, и Кирилл давно засматривался на ее грудь, которая активно проступала через белую футболку с надписью «Forever». А еще Оксанка душилась терпкими цветочными духами. Нарочитый запах, казалось Маше, должен был отпугивать, раздражать, тем более ее мама Вера Ивановна говорила, что Оксанка «препротивнейшая», но Кириллу и даже Славке духи нравились. К Оксанке они относились с большим уважением, говорили с ней как-то по-особому, размеренно, серьезно, а ей, Маше, могли просто свиснуть через забор: «выходи!». Маша при этом бросалась в назначенное место, как они договорились два дня назад. Оксанка так никогда не делала. Впрочем, Славка, в отличие от Кирилла, приглашал Машу на встречу еще и особой песенкой, которую не насвистывал, а напевал, как змейку звал из нелепого вещевого мешка, подсмотренного в фильме про волшебную лампу Алладина. Он был сосредоточен, редко улыбался и пропадал целый день в гараже, где чинил вечно сломанный велосипед, налаживая непослушную педаль и поправляя куртку. Ту самую, которая так быстро стала ему мала в плечах.

Хозяйка усадьбы, где жила Маша, Кира Николаевна, негласно правила одновременно четырьмя участками. Бывшая гид при гостинице «Москва» раньше плавала за границу, то есть была хорошо подкована в вопросах дипломатии и на даче наглядно проявляла свои способности. Ее первый муж, старый еврей, жил поодаль в бывшей, как говорила Машина прозорливая бабушка, конюшне, а новый муж, получивший прозвище «управляющий», обитал в «хозяйском доме». Кира Николаевна практически не появлялась на даче, а, появившись, вечерами играла на огромном рояле, который стоял на закрытой территории дачи, в ее собственной гостиной. Над роялем висел огромный Айвазовский, «Девятый вал», и когда она, наконец, заканчивала концерт и выходила «в люди» (чтобы объявить, что все едут в кино и, хлопнув при этом, дубовой дверью), картина была о Машину стенку. Кино было во Всеволожском, в десяти километрах от Мельничного, и туда ехали на машине ее сына, выпускника Военной Академии, который потом по уши влюбился в мать Кирилла, Анастасию Владимировну, да так сильно, что всем одновременно пришлось с дачи съехать, такие жуткие скандалы разгорались по ночам. В какой-то момент Кира Николаевна, наконец, купила огромного дога, серого и злого, который был грозно представлен управляющему и матери Кирилла, видимо, в качестве назидания. Мать Кирилла правильно отреагировала на собаку, на даче бывала реже, и дог, уже совсем прирученный, стал теперь Машиным с компанией главным соучастником вылазок за хозяйской малиной и ревенем, и даже играл в финальном спектакле.

Как-то Славка спросил Машу, очень глубокомысленно и важно:

– К тебе когда-нибудь утром приходил мужчина?

– Нет, – поперхнувшись яблоком, также серьезно парировала Маша.

Утро в Мельничном ручье было необыкновенным. Пахло цветами и свежескошенной травой, и Маше было нестерпимо хорошо от ощущения крепости собственного тела, запаха высушенных прямо на улице накрахмаленных простынь с ароматом яблок, горькой вишни и смородины. Она проснулась от того, что кто-то стучал прутиком по оконному стеклу. Было солнечно, небо, еще совсем холодное, бледно-сизое, проглядывало сквозь дрожащее туманное марево утра, а воздух был по-летнему свежим, почти морским, южным. Она повернулась на кровати, и одеяло неловко сползло на пол. Славка повис на окне, пытаясь просунуть туда непослушный прут и коснуться Машинной руки. Он несколько секунд смотрел ей в глаза, а потом спрыгнул вниз на землю и убежал.

Днем они часто играли, обычно – в мальчишеские игры. «Банка» была самой интересной из них, потому что ей предшествовали особые приготовления. Кирилл с серьезным видом собирал по всей округе палки, устанавливал их на пыльной песчаной дороге в качестве подпорок, а потом ставил на них большую консервную банку, которую нужно было сбивать битой. Ее

он собственноручно вырезал тонкой пилой из поваленной соседями березы. Когда они играли, Маша кидала палку первая и всегда – не глядя. Палка улетала на сто метров влево, не касаясь банки вовсе, поэтому свой негласный приз – потрогать Славку за ухо – Маша никогда не получала. Зато другая игра была намного динамичнее и опаснее. Мальчишки били футбольным мячом о кирпичную стенку возле поля. Отскок был непредсказуем, и когда Маша, в очередной раз, промахивалась, бодро шагнув ногой в другом направлении, Кирилл многозначительно фиксировал «провал», отметив его тонкой тополиной палочкой на песке. Когда таких «отметин» было десять, Маше нужно было «понести наказание», то есть зажать мяч между ног и скакать с ним то расстояние, которое кто-то из мальчишек отмерил, в зависимости от количества пропущенных ударов. Кирилл никогда не вышагивал Машин «маршрут», а нарочито услужливо «выпрыгивал» его. Каждый последующий шаг он отмерял плевком, который смачно печатал на пыльном асфальте, а потом, разбежавшись, отталкивался от собственной слюнявой метки, прыгая – дальше. Маша люто ненавидела эту игру, но никогда ее не избегала, ожидая, что в последний момент ее позовет домой мама, или появится, наконец, Славка, который обязательно проскачет гадкую дорожку сам. Так, собственно, обычно и было.

Как-то на дачу приехал иностранец. Кира Николаевна привезла новозеландца, и он выходил по их владениям гордый как петух и вежливо кланялся.

– Ты видела? – Кирилл был взъерошен и возбужден от бега, но казался счастливым. Протянул Маше целый «блок» разноцветной и пахучей импортной жвачки:

– Что это?

– Ты такого не пробовала. Это самое вкусное, что может быть!

– Мороженое, что ли?

– Я теперь самый счастливый человек на свете! – шептал Кирилл.

– Почему?

– Вкладыши!

Смешные картинки с «микки-маусами», цветными картинками животных из мультфильмов, прилагались в качестве презента к недоступной тогда импортной жвачке. На них потом «играли» в школе: лупили ладошкой по подоконнику – перевернется или нет. Перевернется картинкой вверх – твое. Не перевернется – вкладыш проигран. Иностранец жил у Киры Николаевны долго. Под конец своего пребывания он совсем как-то обветшал, обветрился. Душа, чтобы мыться на даче, тогда не было ни у кого, а на озеро он ходить почему-то боялся. А когда, наконец, общими усилиями, он туда, на это озеро отправился, то потерялся по дороге. Пришел только через два дня, когда милиция уже искала его по всему поселку. Потом он, кстати, так и остался жить в России. Один раз даже бросил ключи в шахту лифта, побежал к Машинной маме Вере Ивановне в одних трусах и с собачкой, чтобы дала временное пристанище. В другой раз, отмечая очередной праздник, лег на ковер и... не проснулся. Отравился алкоголем. С тех пор Машинная семья хорошо знала австралийское консульство, которое тогда только что открыли впервые, и которому Вера Ивановна потом давала ценные указания, как доставить тело обратно на родину. Доставке предшествовала история. Джордж страстно влюбился в Веру Ивановну. Улетев в Новую Зеландию, он во всем признался жене, а Вере Ивановне написал десять отчаянных писем о том, что любовь его – самое сильное чувство в мире. Не дождавшись ответа, он распрощался с женой и полетел в Петербург на постоянное место жительства. Вера Ивановна была предана памяти мужа, поэтому ухаживания отклонила. В трудные 90-е Джордж пользовался бешеным успехом у женщин, преподавал английский язык в Доме Дружбы, а по утрам появлялся у квартиры Веры Ивановны и Маши, с просьбой одолжить ему бидон, в котором он собирался принести им натуральное молоко, простояв за ним три часа в очереди. Маша была более благосклонна к Джорджу и всегда, отправляясь на совместные прогулки, брала его за руку. Вера Ивановна была, напротив, холодна, поэтому Джордж в конце концов даже сказал Маше в полном отчаянии: «Извините, Маша! Но я лублу вашу мать и не могу жениться на вас!»

Подытоживая, следует отметить, что Джордж был последним романтиком и, действительно, очень трагично свой вкладыш проиграл, как-то для всех и для себя неожиданно, и совсем по-детски, наверное.

Если вернуться к тому славному времени в Мельничном Ручье, то кульминацией лета была кража Машиного велосипеда. Она поехала на станцию позвонить из автомата, опустила заветные пятнадцать копеек, вышла – а ее красной, ярко сверкающей «камы» – не было. Машу как будто током ударило. Она помнила, что велосипед стоял прямо на деревянном крыльце, и был повернут в сторону железной дороги, а теперь вместе велосипеда был чей-то окурочек и – пустое место, воздух! Маша – не поверила, осмотрелась. Вытирая слезы, дошла до киоска с мороженым. Обида душила. Какое-то время Маша надеялась, что велосипед привезут обратно, или произойдет что-то такое, что не позволит явной несправедливости так жестоко ворваться в жизнь. Велосипеда – не было. Машина мама не расстроилась, и даже не рассердилась, а Славка обещал, что до осени будет возить ее на своем собственном велосипеде, который привезла в подарок его мама из Африки. Велосипед этот был с великим множеством цветных наклеек и тремя несколько покореженными фонарями, зеленым, желтым и ярко красным. Так Маша впервые узнала, что на свете есть благородные люди и что бывают только два вида рам – женские, под большим углом и безопасные, и – мужские, на которых только одна железная палка, параллельная земле, куда и нужно садиться. Ощущение присутствия Славки за спиной, который отчаянно крутил педали в два раза быстрее, чем обычно это делала она, было столь чудесным, что Маша совершенно забыла об инструкциях безопасности, и потом, по глупости, как-то даже поехала на этом велосипеде сама и одна: со всего маху хряснулась прямо на железную «мужскую» раму.

А потом они все вместе отправились в ЛТО. Учеников собрали прямо с дач на «редиску» и «щавель», то есть завезли всей школой в лагерь и расселили в бараках. Грозная дама в сероватом халате обошла каждую комнату на шесть коек и четко сообщила о распорядке дня. Побудка была в пять утра, потом был кросс вокруг поля под песню группы «Секрет» «Привет», а потом их всех развозили на сельскохозяйственные работы «в поля», где и оставляли на целый день. За обедом давали, в основном, – хлеб, единственное съедобное пропитание, которое было у администрации лагеря, но зато под вечер можно было забраться в чужой барак и съесть родительские сушки, которые запасливые одноклассники хранили еще с воскресенья, когда лагерь был открыт для посетителей. Сразу пугали «местными», молодыми парнями – трактористами, которые тоже выходили в поля и пытливо вглядывались в лица девушек. Через день в одном из барakov была дискотека, где Маша впервые встретила представителей соседних школ. Кирилл спал в бараке «для мальчиков», как и Славка, и только через неделю пошли слухи, что оба приятеля ухлестывают за «штучкой» из соседней школы, что, впрочем, оказалось злой шуткой Машиных подруг. Они старательно мазали Машу по ночам пастой и, однажды даже спрятали ее одежду в душевой, где Маша долго боялась появляться, по причине страха продефилировать голой перед пытливыми представительницами трех соседних школ. Это было куда страшнее и обиднее, чем необдуманная фраза Машиной одноклассницы Леры, которой родители привезли из дома теплый плед, и она громкогласно сообщала, что ей – «жарко» в пять часов утра, скидывая плед на пол и демонстрируя большое белое тело, чем дико настроила против себя пять соседних оледенелых скелетов под простынями. Так и не обнаружив свою одежду, Маша тогда отправилась на дискотеку в пижаме и была прозвана одноклассницами «арестанткой». Впрочем, ей все равно повезло больше, чем Юльке, например, которая без посторонней помощи, сама объелась щавеля, собранного с полей и полностью потеряла вкусовые ощущения. Теперь, она каждое утро, как и Лера, просыпалась в пять утра, разворачивала конфету, съедала ее, громко причмокивая, и на весь барак сообщала, что «вкуса – нет и не будет!», чем вызывала неминуемое сочувствие окружающих, которые закупали ей конфеты тоннами, в ожидании, когда он, этот самый вкус, наконец, «вернется».

А потом Славка – пропал.... Об этом сообщила пионервожатая, обходящая бараки и засовывающая фонарик под каждую кровать, не прятался ли он где-то поблизости, как заблудившийся щенок или брошенный котенок. К Славке никто не приезжал, вестей от отца, тем более, от матери, он не получал и ходил по лагерю понуро, но гордо. А в тот день, – раз и след простыл. Под вечер оказалось, что сбежал к «местным», обыграл кого-то в карты и напился до чертиков, за что его заочно исключили из пионеров. Славка не обиделся, а только страшно дулся на пионервожатую в течение целого года. Зато среди одноклассников он стал негласным героем, и за это его особо невзлюбил Кирилл. В тоже лето, в этом же ЛТО Славка притащил Маше целый ящик мороженого, которое долго хранилось потом в ее холодильнике, на радость маме и подруг, которые только и расспрашивали о том, что будет дальше, и будет ли. Тогда же Маша завела дневник, где расписывались все, кто приходил к ней на день рождения, и где Славка впервые официально написал, что нравится ему только она.

Когда начинался учебный год, радовалась этому событию все. Осенние сумерки, стальной холод, крадущийся вдруг под кофту и вдруг – ниоткуда взявшееся – внутреннее блаженство. Краски багряные, красно-желтые, такие густые, как на мольберте, выставленном прямо на улице: медленно накладываются кистью, а застывшая разноцветная масса в какой-то момент отваливается, шелушится на холсте, как согнувшийся в три погибели резиновый каскадер-игрушка на стекле в метро, куда ее с размаху бросил что-то тараторящий продавец. Из школы Кирилла все время выгоняли. В основном, за глупые шутки, прогулы, записки под партой. Много позже Маша поняла, что было это все-таки из-за его родственников – научных корифеев и антикоммунистов. Славку, напротив, в школе любили. Его отец никогда не высказывался на родительских собраниях и никогда их не посещал. Славка рос подобно травке во дворе, но было в нем что-то очевидно бойкое, мальчишеское. Честность, прямота, ясность мысли. Учился он неважно, но был с ранних лет, как говорится, «с руками»: чинил под партой замок, который только что нашел по дороге, выпиливал из дерева ажурный кораблик, мог решить четыре варианта контрольной по математике. Впрочем, и это было неважно. Любили его, как обычно любят – просто так.

* * *

В том же Тунисе их с Кириллом поселили в странной гостинице. С бассейном и множеством крыс, которые появлялись в самый неожиданный момент из-под кровати или из щели в полу ресторана. Известный анекдот «хорошо, что слоны не летают» мог бы быть переделан в тунисский вариант, «хорошо, что не летают африканские крысы». Туристов тоже расселили как-то странно, по одному человеку в номер и к незнакомым людям.

Рано утром они встречали с Кириллом восход в песках. За считанные минуты зашли далеко-далеко, в пустыню. Обдувало холодным ветром. Белым огнем горели широкие снежные полосы неба, которое вдруг померкло, воздух потемнел и буря, докатившись смерчем, закрутила пыль над равниной, тучей помчала ее над садами и промеж мраморных колонн. Стало темно, а потом, в один момент, небо расправилось, как осветило гигантским прожектором изнемогающую равнину. Желтая громадина вдруг показалась из-за песка, белый луч, розово-пурпурный, красный отражались теперь в изумрудном песке, словно в прозрачной воде. Солнце из грозовых туч озарило пески сильно и резко. Темно-сизый фон неба еще более усиливал яркость зелено-грязной земли.

– Ты видел? – спросила Маша.

– Ну, видел, – ответил Кирилл.

* * *

Началу отношений со Славкой, как Маше казалось на тот момент в школе, был случай, который произошел еще во времена их учебы, когда вовсе не он, а Кирилл пригласил ее на концерт. Раздобыл где-то билеты на итальянского певца Тото Кутуньо. Певец был дико знаменит, попасть на его выступления было практически невозможно, и событие его выступления для Петербурга было особым, если не сказать, – сверхъестественным. Кирилл пригласил Машу, демонстративно помахав билетами перед Славкиным носом, а когда она отстояла под дождем бесконечную очередь, сформировавшуюся под оградой, вошла в роскошный комплекс и бросилась к нему, наспех сунул скомканный билет ей в руку и убежал в неизвестном направлении. Он болтал с девицей из соседней школы, и Маша, от расстройства, не слышала ни одной песни. В антракте девиц уже было две, и Кирилл не только делал вид, что видит Машу впервые, но всячески давал понять, что не знает ее вообще. Зато после второго действия, набравшись храбрости, Маша все-таки вышла на сцену, чтобы подарить звездному итальянцу цветы. Поклонники знали, что Тото Кутуньо на каждом концерте поет одну из своих песен девушке тринадцати лет, ту самую песню, которую он в свое время посвятил дочери другого известного итальянского певца, Челентано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.